

Глава первая

Гениальные люди гениальны во всем. С дураками это правило тоже срабатывает.

В кабинет вошел Борис и быстро произнес:

— Он нас покинул!

— Спасибо за радостное известие, — улыбнулся я, — главное, чтобы не вернулся.

— Мы спокойно объяснили мужчине, что частный детектив не имеет права никого задержать, отправлять на зону. А гость расширепел, — продолжил помощник.

— Вероятно, он не совсем нормален, — предположил я, — сейчас зима, а мужчина в шортах, бейсболке и майке. У него была куртка? Теплая обувь?

— Нет, — вздохнул секретарь. — Лет десять-пятнадцать назад мог бы насторожиться при виде личности в подобном виде, но сейчас мода разбушевалась до такой степени, что вьетнамки на меху никого не шокируют.

— Экстравагантность в одежде не удивляет, но раньше полагал, что она свойственна ис-

ключительно молодежи. Сейчас же одеваться с выдумкой начали люди всех возрастов. Помните пожилую даму в соломенной шляпе, к которой пришили вязаные «уши» с завязочками?

— Да, — тихо засмеялся Борис, — у нее вместо пальто или шубы было пончо. При взгляде на верхнюю одежду леди со мной случился приступ ностальгии. В далеком детстве, когда меня, школьника, вызывали к завучу для слушания лекции о правильном поведении пионера, я всегда восхищался богатым убранством кабинета. Бархатные гардины, тюль, а на полу ковер! У нас дома такой красоты не было.

— Обычно в гимназиях у начальства все аскетично, — удивился я, — стол, стулья, шкафы, иногда диван. В придачу самые обычные драпировки. Рулоник тогда не было, на всех окнах висели куски ткани серо-желтого цвета.

— Кабинет главного лица моей школы устлали напольными покрытиями, — засмеялся Боря. — Пончо той посетительницы очень походило на один из паласов и...

Нашу беседу прервал звонок в дверь.

— Если странный гражданин вернулся, не открывайте, — попросил я. — Дверь сломать невозможно, даже если в нее ногами бить. Он постоит и уйдет.

Боря исчез, и вскоре я услышал из холла голос Ньюки, зачатой подружки Николетты Адилье, моей маменьки.

— Дорогой, — как всегда капризным тоном завела она, — где Вава?

Я со вздохом встал. С одной стороны, плохо, что нет клиентов. Частный детектив живет по принципу «сколько натопал, столько и слопал». Есть у меня работа? Следовательно, в моем кошельке шуршат купюры. Никому не нужен? Сиди, господин Подушкин, голодным. Правда, до полной нищеты я пока не доходил, потому что всегда откладываю энную сумму на черный день.

Из коридора раздался звук шагов, и с громким возгласом «Ты почему меня не встретил?» Ньюка влетела в кабинет. Я чихнул. Дама, как всегда, вылила на себя ведро дорогого парфюма. Хватило бы пару раз пшикнуть на сгиб локтя! Но госпожа Волконская сродни мужчинам, у которых есть установка: «Если сам не ощущаю аромат одеколона, которым побрызгался после утреннего душа, то и остальные лишены радости его почуять». Рука парня хватает емкость... и — пшик-пшик-пшик. В результате такого субъекта весь день окутывает душистое облако, у всех его собеседников начинается кашель, а кто-то спешно принимает таблетки

от аллергии. Думаете, к обеду «газовая атака» утихает? Да, через пару часов «амбре» на радость людям ослабевают. Но у такого представителя сильного пола очень часто парфюм лежит в машине или сладко спит в портфеле. Вытащить пузырек на свет божий недолго, и — пшик-пшик-пшик...

Удивительно, но страсть принимать душ из Кельнской воды чаще охватывает мужчин, чем женщин. Но уж если прекрасная дама имеет при себе флакон, то тут тушите свет и выносите иконы. Даже самый вонючий лосьон после бритья ничто по сравнению с духами, которыми пользуются девочки всех возрастов.

Как-то раз мне понравилась одна брюнетка. Я человек старой закалки, поэтому вместо харчевни с бургерами пригласил красавицу в театр. Мы заняли места в партере, и через секунду я понял, что пропал. От моей дамы, которая сидела слева, сильно пахло жасмином, а от незнакомки справа исходил аромат корицы, перца и чего-то еще. Она носила так называемый «восточный» парфюм. Впереди же устроился мужчина, который облился продукцией фирмы «Аква ди Парма». Спору нет, она производит великолепные одеколоны, но если опрокинуть на себя весь флакон, то окружающим станет плохо. Я попытался сдержать ка-

шель, это удалось, но потом принялся чихать, был вынужден уйти из зала, а потом вообще удрать из театра. Брюнетка, естественно, обиделась, заблокировала номер телефона беглого кавалера.

Нюка сейчас пахнет сильнее, чем все мои соседи по театру, вместе взятые. Вот только умчаться не получится. Дама не обидчива, и если я ей понадобится, она не отпустит меня до тех пор, пока я не выполню все ее желания.

— Дорогой, — запела подружка маменьки, — пришла к тебе с изумительным, потрясающим, необыкновенным, восхитительным, уникальным подарком!

— Спасибо, — осторожно отозвался я, — но до моего дня рождения далеко, а Новый год прошел. По какому поводу презент?

— Дарагой, — сильно акая, снова завела Нюка, — неужели забыл, что скоро Рождество?

— Оно в начале января, — возразил я, — а у нас февраль.

Нюка заморгала, но быстро сообразила:

— Ты забыл про католический вариант?

Вот теперь объясните мне, почему я ввязался в дискуссию?

— Конфессия, признающая власть папы римского, отмечает появление Иисуса Христа на свет в конце декабря!

Дама постучала ладонью по креслу.

— Остановись! Где очередь?

— Куда? — не понял я.

— Сюда, — отрезала гостя. — Не вижу толпу клиентов! Боря!

Мой секретарь вошел в кабинет.

— Слушаю вас!

— Сколько человек посетило данный офис за прошедшую неделю? — осведомилась Ньюка.

Батлер¹ не дрогнул:

— Не имею права разглашать служебную информацию.

Ньюка расхохоталась.

— Мальчики! Можете раздувать щеки где и как угодно — отлично знаю, что вы сидите без денег. А я пришла с коммерческим предложением. Вава, ты участвуешь в показе мегапопулярного модельера. Занятие необременительное. Пара примерок, потом несколько проходов во время шоу.

Я потряс головой.

— Показ мод?

— Да, правильно понял! — обрадовалась Ньюка. — Но неправильно, что все показывает мужчина! Определенно нужна женщина! Я!!!

¹ Батлер — помощник.

И тут у меня затрезвонил телефон. Я ско-сил глаза на свой мобильный. Ох, не зря народ придумал поговорку «Беда не приходит одна». На проводе маменька.

— Ответь,— велела Ньюка.— Судя по гри-масы на твоём лице, тебя разыскивает Никки. Немедленно ответь!

Я взял трубку:

— Слушаю.

— Сколько можно ждать, пока ты соиз-волишь отреагировать? — сразу пошла в атаку маменька.— Ньюка приехала? Немедленно гони ее! Хочет примазаться к моей идее!

Я ощутил себя мухой, которую старательно окутывают паутиной два больших паука. От одного несчастная Цокотуха ещё способна удрать, но вот от пары ей вряд ли удастся унести лапы.

— Не смей соглашаться! — гремела ма-менька.— Это моя идея! Если скажешь Ньюке «да», прекращу с тобой разговаривать.

Хорошо бы так! Перспектива не слышать по десять раз на дню вызовы от маменьки меня не пугает, а радует. Вот только слова «прекращу с тобой разговаривать» не озна-чают, что маменька включит режим молча-ния. Все наоборот. Она скажет всем-всем

своим знакомым: «Вава не захотел помочь мне, ладно, я привыкла к его невнимательности. Но Ньюка! Бедная моя подружка из-за того, что Вава решил использовать ее, с инфарктом, инсультом и гриппом вот-вот угодит в больницу». И что потом случится? На мой телефон вмиг упадет ливень сообщений типа: «Какой ужас!», «Нюка очень любит тебя, Никки тебя обожает, ты ранил их в самое сердце». Дамы и небольшое количество прикнувших к ним мужчин не удовлетворятся рассылкой текстов, примутся названивать. У меня есть выбор: некоторое время побыть в роли дурака на каком-то мало кому нужном модном показе, и конец истории, — или потерять покой на долгое время, постоянно становиться главным героем бесед на якобы великосветских раутах, выслушивать бесконечные упреки... Конечно, мало-помалу волна общего возмущения спадет. Но потом всю дальнейшую жизнь Зюка, Люка, Мака, Кука и другие члены обширной маменькиной компании станут обращаться ко мне: «Вава, зная, что ты отказал бедным Нюке и Никки в их крохотной просьбе, все же рискну спросить...» И вот этот оборот речи останется у них навсегда.

Я посмотрел на Ньюку:

— Пока не знаю, что должен делать!

Нюка вскочила.

— Когда Nicolette расскажет тебе о показе коллекции, сразу говори, что согласишься на все, только если меня пригласят.

Глава вторая

— Вы в самом деле собрались участвовать в дефиле? — уточнил Боря, закрывая за гостьей дверь.

— Есть другой вариант? — задал я свой вопрос.

— Если учесть все возможные и невозможные последствия отказа, то нет, — вздохнул помощник.

И тут зазвенел домофон.

— Ньюка вернулась. Что-то забыла или не договорила, — пробормотал Борис и ушел.

Я вздохнул, тоже отправился в холл и увидел молодую женщину. Незнакомка тихо спросила:

— Детектив Подушкин здесь принимает?

— Да, — кивнул Боря. — Входите, пожалуйста. Не надо разуваться.

— Вы Иван Павлович? — продолжила незнакомка. — У меня есть обувь с собой. Не могу в грязных сапожках в помещение входить.

Борис улыбнулся:

— Редко кто приходит со своими туфельками.

— Добрый день,— кивнул я,— Иван Павлович к вашим услугам.

— Валерия Фокина,— представилась женщина.

— Рад знакомству. Пойдемте.

Очутившись в кабинете, Валерия села в кресло и, не дожидаясь моего вопроса, заговорила:

— Извините, но придется начать издалека, иначе вы просто не поймете суть дела. Мои родители, Эмилия Георгиевна и Кирилл Мефодиевич Фокины, никогда не нуждались. У папы уникальная судьба. В моем раннем детстве он был концертмейстером, причем замечательным. А когда я из деревни вернулась, папа стал певцом! Да каким! Потрясающий баритон! Вообще-то подобная метаморфоза маловероятна. Кое-кто из артистов сравнивал отца с Романом Сладкопевцем¹. Ой, давайте по

¹ Роман Сладкопевец родился в середине пятого столетия в городе Емесе. Он не обладал ни голосом, ни слухом, но очень хотел петь на службах. После долгих молитв Матушка Богородица явилась Роману, и мужчина обрел красивый голос вкупе с поэтическим даром. За прекрасное пение его и прозвали Сладкопевцем.

порядку. Мама была балериной. И при советской власти, и в перестройку, и в дальнейшие времена родители всегда были востребованы. Наша семья никогда не нуждалась. Старшие ее члены получали хорошие деньги, не бросали их на ветер. И никогда не занимались всякими махинациями.

Валерия положила ногу на ногу.

— У нас был сосед, тоже оперный певец, любимец политической элиты тех лет. Он приобрел недоступный всем «ГАЗ-24», потом втихую продал за две цены мандариновому королю из Кавказского региона. А тот сделал продавцу-москвичу справку, якобы у солиста угнали машину, когда он решил продать ее. Воры не справились с управлением на одном из крутых горных поворотов, машина свалилась с шоссе и развалилась.

Я не сумел скрыть улыбку.

— Понимаю, смешно,— кивнула посетительница,— но торговец цитрусовыми в те далекие годы был миллионером. Тогда это было намного круче, чем сегодня миллиардер. Баритона пожалели, выдали разрешение на сей раз на бесплатное получение нового средства передвижения. Такими благами пользовались певцы, актеры, писатели, творческая интелли-

генция из разряда особо любимых власть имущими. Понимаете, что получилось?

— Новый автомобиль плюс сумма, равная его покупке, от владельца мандариновых плантаций, — подвел черту Боря. — Миллионер же навесил другие номера и спокойно катался на «умершей» «Волге».

— Верно, — согласилась Валерия, — двойной шоколад. Мои родители никогда подобным не занимались. «Спим спокойно, потому что у нас чистая совесть. Нехорошо, когда тебе завидуют», — говорил папа. Жили мы на Тверской, из наших окон, как в стихотворении, площадь Красная была видна¹. И до сих пор мама там обитает. Меня не баловали. Домработница приходила два раза в неделю, стирала, убирала, готовила. Думаю, так рано родители не собиравались заводить детей. Возможно, хотели подождать, пока мама выйдет на пенсию — у балерин она обычно в тридцать семь — тридцать восемь лет. Но получилось иначе. Я появилась на свет, когда маме было двадцать — самый расцвет для танцовщицы. И тут нате! Беременность! Мама решила сделать аборт, побежала к гинекологу, а тот развел руками: «Срок четыре месяца с поло-

¹ Стихотворение С. В. Михалкова «А что у вас?».

виной. Операция под запретом. Конечно, можете найти Джека-потрошителя, который все сделает, но последствия непредсказуемы. Как организм отреагирует на варварское вмешательство? Чем заплатите? Дальнейшим бесплодием? Проблемами со здоровьем? Гормональными нарушениями?» Мама сначала не поверила врачу: «Какие такие четыре с половиной месяца? Меня не тошнит, настроение прекрасное. На соленые огурцы с вареньем не тянет, усталости нет. Месячные только сейчас прекратились! Живот не увеличивается». И пошла к другому доктору. Тот подтвердил слова коллеги, ответил на все вопросы. Течение беременности индивидуально, тошнота не обязательна, балерины каждый день испытывают огромные физические и эмоциональные нагрузки, поэтому усталость тела для них — просто привычная жизнь. Мышцы у танцовщицы стальные, удерживают живот лучше бандажа. Делать нечего, родилась я!

Валерия опустила голову.

— Откуда знаю об идее убить меня, нерожденного младенца? У родителей были бурные отношения, мама вспышивает как спичка. Скажет отец фразу, которая жене не по нраву, она вмиг кричит: «Я тебя к себе не привязывала!

Не думай, что нарочно забеременела, дабы выйти за тебя! Случайно получилось! Вообще не желала матерью становиться, когда надо танцевать! Пошла на аборт!..» — и всю историю выкладывала. А я всякий раз пугалась до жути! Убегала плакать в свою комнату. Один раз папа зашел, засмеялся: «Соседи приходили, у них с потолка вода льется. Всю нашу квартиру обошел — сухо. Заглянул в детскую — лужи на полу! Хватит рыдать! Кто тебя обидел?» — «Мама хотела меня убить», — ответила я. Отец сел рядом: «Неправда! Врет она! Почему? Не желает, чтобы я думал, что она страстно хотела семью и забеременела ради этого. Делаю вид, что верю ей. Успокойся, не собирались тебя жизни лишать. Но для твоей матери на первом месте сцена. Вот с этим тебе придется смириться навсегда».

Валерия пожала плечами.

— Папа оказался прав. Через четыре месяца после моего появления на свет мама возобновила репетиции! У нее железная воля, адское трудолюбие, было бесконечное желание стать звездой. А желание возиться с младенцем, кормить грудью отсутствовало. Меня, новорожденную, отдали няне Аде Марковне Гришиной.

Валерия посмотрела на меня.

— Вам, мужчине, трудно понять, какое счастье испытывает женщина, став матерью. Но есть представительницы слабого пола, которым ребенок вообще не нужен. Только не подумайте, что меня морили голодом, одевали в лохмотья. Нет-нет! Я жила в просторной детской, никогда не голодала, у меня были игрушки, книги. И любимая Ада Марковна. Я родителей почти не видела: папа с мамой часто уезжали на гастроли. Мечтала о щенке. Просила собачку у Деда Мороза, но тот упорно притаскивал кукол. Бабушка по линии мамы долго болела и скончалась, а вот дедушка, Георгий Семенович Николаев, меня любил, часто забирал к себе в загородный дом. Огромный трехэтажный особняк у него был, у меня в нем имелась детская. И ради меня дедушка завел щенка. Насовсем меня отправили к нему жить, когда я отметила пятилетие. Через год мама решила готовить меня в балетное училище. Меня привезли из деревни в Москву, нарядили в парадное платье, причесали, и мама привезла меня в какой-то дом. Там незнакомая женщина отвела меня в комнату с зеркалами и деревянными палками вдоль стены, попросила сделать несколько упражнений. Потом мы отправились домой. Мама почему-то рассердилась на